

УДК 165

А. И. Афанасьев, д-р филос. наук, проф.,
И. Л. Василенко¹, канд. филос. наук, доц.

ОБЩЕНАУЧНЫЕ ИДЕАЛЫ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

*Одесский национальный политехнический университет, Одесса, Украина,
¹ Одесская национальная академия связи им. А. С. Попова, Одесса, Украина*

УДК 165

А. И. Афанасьев, И. Л. Василенко¹

ОБЩЕНАУЧНЫЕ ИДЕАЛЫ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

*Одесский национальный политехнический университет, Одесса, Украина,
¹ Одесская национальная академия связи им. А. С. Попова, Одесса, Украина*

В гуманитарном знании различаются три сферы. Первая соответствует строгим стандартам научности и практически не отличается от естественных наук. Вторая использует размытые стандарты научности, нестрогие методы, нарративные объяснения, но соблюдает другие требования научности. Третья — гуманитаристика — является вненаучной, отказываясь от ключевых требований научности.

Ключевые слова: наука, гуманитарные науки, гуманитаристика, метод, объяснение, нарратив, теория, закон, рациональность, парадигма.

UDC 165

A. I. Afanasiev, I. L. Vasilenko¹

GENERAL SCIENTIFIC IDEALS AND SCIENCE OF HUMANITIES

*The Odessa National Polytechnical University, Odessa, Ukraine,
¹ The Odessa National Academy of Telecommunications named after A. S. Popov, Odessa, Ukraine*

The humanities are three spheres. The first meets the strict standards of scientific and practically does not differ from the natural sciences. The second uses fuzzy scientific standards, lax methods narrative explanation, but compliance with other requirements of scientism. The third the humanitaristic is the extra-scientific, abandoning key scientific requirements.

Key words: science, science of humanities, humanitaristics, method, explanation, narrative, theory, law, rationality, paradigm.

Достижения естественных наук, которые они демонстрировали в течение нескольких столетий, особенно в классический период их эволюции, обусловили в рамках методологии науки и вообще в общественном сознании высокую оценку их теориям, методам и прочим способам организации, представления и получения знания, приобретения статус образцов, идеалов, стандартов. Когда феномены человеческого духа стали исследоваться как объекты, стало очевидно, что их можно наблюдать, измерять, классифицировать так же, как и объекты природы, иными словами, делать достоянием науки. Так возникли гуманитарные науки («науки о духе»), хотя термин «наука» первоначально, а в некоторых языках и по сей день, связывался с естествознанием (науками о природе).

Сфера влияния гуманитарных наук неуклонно расширяется. Признается их важность, причем не только в воспитательном или идеологическом аспекте, но и в плане разработки моделей гуманитарных экспертиз, технологий и пр. Многие гуманитарии, и не только они, полагают, что выйти из современного цивилизационного кризиса, разрешить глобальные проблемы, угрожающие самому существованию человечества, можно только гуманитарным способом, рассматривая

природу в качестве цели (как и человека), а не средства. А для этого гуманитарные науки должны соответствовать стандартам научности, иначе их невозможно будет использовать так, как используются естественные науки в прикладном смысле.

Но именно в данном отношении научное общество сохраняет в целом скептическое отношение к гуманитарным наукам, отмечая их известную недостаточность по сравнению с естественными дисциплинами. К тому же некоторые гуманитарии полагают, что специфика гуманитарного знания неустранима, и оно несопоставимо с естествознанием, здесь нужны иные оценки и подходы [17]. Подтверждением такой позиции иногда считают успех книги знаменитого представителя микроистории К. Гинзбурга «Сыр и черви» [6], которая является значительным научным событием, хотя не соответствует общепринятым канонам науки. Однако мало кто задается вопросом: указанная специфика относится к гуманитарным наукам или к иным формам организации гуманитарного знания? Ведь в сферу гуманитарных наук нередко зачисляются то, что наукой назвать трудно или невозможно. Скажем, теологию можно назвать гуманитарным знанием, но отнюдь не гуманитарной наукой. Кино-

критика также гуманитарное знание, но не гуманитарная наука.

Целью статьи является попытка различения венаучного и научного гуманитарного знания.

Гуманитарное знание в общем виде можно определить как знание о внутреннем мире человека, выраженном в материальных и идеальных культурных образованиях, наделенных человеческими значениями, ценностями, смыслами. В таком случае за пределами гуманитарного знания остается знание о природе, в том числе о человеческой природе, о технике, о социальных связях и закономерностях.

Отнесение того или иного гуманитарного знания к разряду наук зависит от степени выполнения ими стандартов научности, где прежде всего необходимо учесть признаки научного знания. Среди них отмечают: обоснованность, эксплицитность, общезначимость, референциальность, валентность (например, истинно или ложно), рефлексивность. Все указанные признаки взаимосвязаны, к примеру, без эксплицитности или общезначимости (интерсубъективности) невозможна обоснованность, так как знание должно быть как-то представлено и воспринято. Только выполнение всех признаков (конъюнкция) дает то, что в строгом смысле называется научным знанием [16, с. 33–37]. Обоснованность знания прямо связана с рациональностью. Рациональность рассматривается как форма обоснованности знания, а нередко отождествляется с ней. Возможные варианты указанного соотношения зависят от принятых критериев рациональности, которые не остаются неизменными. Так, жесткий критерий рациональности подразумевает только теоретическое или только научное знание. Для слабого критерия достаточно соблюдения некоторых правил и норм мышления или деятельности [14, с. 123]. Выделяют также и следующие черты научности знания: воспроизводимость, проверяемость, выводимость, системность, предсказуемость [2, с. 16–30]. Впрочем, некоторые из них являются следствием вышеперечисленных признаков научного знания, хотя чаще всего имеют самостоятельную ценность.

Среди структурных компонентов, позволяющих соотнести данное знание с наукой, определяющими как минимум являются: формы организации знания, прежде всего, теория и ее методы; функции науки, особенно объяснение, а также парадигмальность как специфическая особенность функционирования научного знания и его производства. Та часть гуманитарного знания, которая сознательно (или по недосмотру) не со-

ответствует стандартам научности и не включает названные структурные компоненты, составит гуманитаристику, остальная часть гуманитарного знания может быть названа гуманитарными науками. Вопрос о ценностном статусе гуманитаристики и гуманитарных наук в абстрактном виде лишен смысла, поскольку всегда можно легко определить ценностное предпочтение и того, и другого, что и делалось в культуре вообще и в философии в частности, например, в рамках сциентизма и антисциентизма. Для русского или немецкого языка, как и для многих других языков, выразить такое различие не составит труда. Проблемы могут возникнуть в английском языке, где наука (science) традиционно соотносится с естествознанием, а для гуманитарных наук нет соответствующего термина. В известном смысле это провоцирует отнесение всего гуманитарного знания к сфере “Humanities and Art” [9]. Очевидно, что подобная терминологическая практика устарела и не отражает современного состояния методологии гуманитарного знания, значительная часть которого тяготеет к строгой науке. В этом плане гуманитаристике мог бы соответствовать термин “humanitaristik”, а гуманитарным наукам — “science of humanities”, в отличие от искусства (art) и наук о человеке (human sciences).

Все сферы гуманитаристики буквально пропитаны нарративами. Нарративная организация является фундаментальным свойством также и гуманитарных наук, хотя там присутствуют и ненарративные компоненты типа дедуктивных выводов, классификаций или исторических хроник, однако лишь в качестве отдельных элементов. Естественные науки, наоборот, включают нарративные компоненты лишь в качестве отдельных элементов. Нарративы выполняют различные функции, в том числе и объяснительную.

Степень научности гуманитарного знания во многом определяется характером объяснительной способности нарративов, поскольку объяснение — важнейшая функция науки. Наряду с номологическими, причинными, структурными объяснениями в гуманитарных науках распространен особый вид научных объяснений — нарративные объяснения. Нарративы участвуют в объяснительных процессах как минимум в трех случаях:

- 1) когда нарратив явно задействован в объяснении;
- 2) когда нарратив в качестве лингвистической структуры неявно присутствует в объяснении;
- 3) когда объяснение транслируется в культуре [2, с. 78–88].

Распространенность нарративных объяснений в гуманитарных науках не исключает классических объяснений.

Нарративные объяснения, придавая смысл человеческим действиям, демонстрируют взаимосвязанность, закономерность, значимость разнообразных несвязанных, случайных, незначительных дел и событий, увязывая их в целостные образования и снабжая жизненной выразительностью, являясь существенным дополнением ненарративных объяснительных схем. Однако нарративная стратегия гуманитарных дисциплин с реальным или кажущимся субъективизмом не должна подменять научную объективность.

Нарративные и ненарративные объяснения осуществляются в рамках гуманитарных теорий. Можно вычленимый и достаточный перечень их стандартных компонентов для причисления гуманитарных концепций к научным теориям: исходные принципы (системообразующие концепты), идеализированные объекты, совокупность законов и понятий, сфера технологических воплощений, объект и предмет. По сравнению с естественно-научными теориями гуманитарные могут создавать не только свой предмет, но и свой объект, активно используют философские идеи и теснее связаны с социокультурной практикой. Однако это отличие не является основанием для их противопоставления естественно-научным. Существенные различия обнаруживаются в самих гуманитарных концепциях при их сравнении друг с другом: в специфике компонентов, особенно законов и других объясняющих положений или системообразующих концептов. Это одно из оснований различать гуманитарные теории (концепции) двух типов.

Теории первого типа включают в себя законы, в том числе и из других наук, правила и нормы, выполняющие роль законов, а также такие нарративы, которые либо включают в себя законы, либо могут быть преобразованы в законы. Теории второго типа используют нарративы, метанарративы, тенденции, лингвистические фигуры, языковые структуры, а к классическим законам не апеллируют, поскольку, например, фиксируют случайное, необратимое, непредсказуемое. Существенно, что в естествознании также обнаруживаются подобные процессы. Синергетические и другие неклассические естественно-научные идеи необратимости, случайности и непредсказуемости могли бы найти применение к объяснению необратимых социокультурных феноменов, но пока специалисты не могут описать эти процессы в математических моделях, прихо-

дится причислять их ко второму типу теорий, не лишая статуса научности. Теории второго типа, возможно, точнее было бы называть концепциями.

Еще один важный признак научности гуманитарного знания — наличие относительно строгих методов. Можно различать четыре смысла употребления термина «метод» в гуманитарной сфере. Во-первых, под методом понимается обоснованная и четкая последовательность шагов по достижению результата с применением специальных средств и инструментальных операций, что особенно характерно для строгих теорий классической науки. В гуманитарных дисциплинах это структурно-семиотические методы, претендующие на научное *объяснение* текста как определенным образом организованной знаковой системы [12, с. 14–285] или методы математической лингвистики [7, с. 22–38]. Во-вторых, метод рассматривают как совокупность требований, которые предъявляются к исследовательской деятельности и могут быть сформулированы с разной степенью строгости и определенности. В гуманитаристике художественный метод понимается довольно определенно, но о строгости его применения говорить трудно. Примером может служить метод социалистического реализма [10]. В-третьих, методом может выступать сама теория, примененная для исследования, где последовательность шагов довольно условная, хотя бы в силу многообразия компонентов теории. Если теория строгая, то как метод она будет соответствовать классическим канонам науки, если нет, то она будет методом в четвертом смысле, когда методом нередко называют некоторый подход, представляющий собой одну или несколько идей, а последовательность и характер действий остается на усмотрение исследователя. Здесь строгость метода подменяется эрудицией, интуицией, особым чутьем и другими выдающимися субъективными качествами исследователя. В гуманитаристике обнаруживаются все четыре смысла употребления термина «метод», которые обычно не различаются. С одной стороны, это следствие недостаточной развитости теоретических построений, с другой — неосознанное стремление придать статус научности своим рассуждениям.

В целом теории первого типа используют математические, статистические и другие строгие методы, обнаруживают законы и строят классические объяснительные модели и вообще ориентируются на строгие научные требования. Теории второго типа не всегда строго организова-

ны, активнее используют философские идеи, имеют нарративную объяснительную способность, где отсутствует апелляция к законам, применяют нестрогие методы или расширительное понимание методов, и вообще они не вполне соответствуют классическим общенаучным канонам, хотя обладают внутренней непротиворечивостью и логической связностью. Их продуктивные идеи позволяют им успешно функционировать, обеспечивая оригинальный подход, давая возможность по-новому сконструировать рассматриваемый объект, иначе увидеть стоящую за ним реальность. Два типа теорий обуславливают два дополнительных подхода в гуманитарных дисциплинах, которые рассмотрим на примерах из социологии, истории и литературоведения.

Квалитативный подход в социологии обеспечивает изучение индивидуальных аспектов социального бытия, использует личные документы и текстовые материалы с оценочными высказываниями людей, включает субъективные теоретизирования и интерпретации исследователя, требует явных способностей и таланта [15]. В нем усматриваются элементы субъективизма и произвола, что снижает его научную значимость. Квантитативный подход объективен и точен, но он упрощает и усредняет картину объекта [8].

Квантитативный подход в исторических исследованиях служит для обработки большого источниковедческого, вспомогательного или иллюстративного материала на различных вычислительных устройствах, а также использует статистические методы и математические модели для установления закономерностей, ограничивая субъективизм историка, исключая преобладание неповторимых исторических феноменов [3]. В то же время художественный стиль исторических трудов остается неотъемлемым признаком исторической науки, продуцируя квалитативный подход, который настаивает на неустрашимой специфике исторического исследования, нарративности объяснений, использует философские идеи, ограничивая методологичность общим набором требований, изучает отдельные исторические факты в рамках микроистории, которые были бы искажены в процессе обобщения или количественной формализации [5].

Квантитативный подход в теории литературы формулирует общие законы повествования, композиции, системы персонажей, организации языка, ориентируется на точное знание, строгий метод исследования, проверяемость гипотез, дисциплинарные рамки, четко очерченный объект, оперирует понятием структуры и опирается на

такой эмпирический материал, который можно посчитать и наблюдать достаточно точно [1; 4]. Квалитативный подход включает совокупность некоторых философских, культурологических и других идей, является преимущественно интерпретативным, не дает строгого метода исследования, его теории не верифицируемы, но обеспечивают новизну дискурса, новые программы исследований, дают возможность ставить новые проблемы [17].

Господствующая в научном сообществе теория нередко становится парадигмой. Понимание парадигмы, предложенное Т. Куном [11], вышло за пределы методологии науки, приобретя широкую популярность и право гражданства во многих сферах деятельности, в том числе и в гуманитарной.

Если ядром парадигмы выступают гуманитарные теории первого типа, то такие парадигмы работают аналогично естественно-научным, включая строгие теории и методы, номологические объяснения, образцы успешного решения проблем, объединяющие научное сообщество. Теории второго типа ответственны за специфические особенности соответствующих парадигм гуманитаристики: концептом выступает некоторая, чаще всего модная, философская доктрина, применяются нарративные и интенциональные объяснения, ценностные установки являются определяющими, используются неопределенные и неоднозначные методы, разделяющие исследовательское сообщество. Структурное и функциональное своеобразие парадигм гуманитарного знания, по-видимому, свидетельствует о непрерывающемся процессе становления гуманитарных наук.

Таким образом, в гуманитарном знании необходимо различать три сферы. Первая соответствует строгим стандартам научности. Она практически не отличается от естественных наук. Здесь применяются математические модели, строгие методы, создаются верифицируемые теории и др. Сюда можно отнести многие разделы лингвистики, некоторые разделы литературоведения и психологии, квантитативную историю и социологию и т. д.

Вторая сфера использует более размытые стандарты научности, мягкие критерии рациональности, нестрогие методы, нарративные объяснения, философские концепции. Но стремится соблюдать многие принципы классической науки: доказательность, обоснованность, выводимость, подтверждаемость и др. Сюда можно отнести большую часть литературоведения

ния, некоторые разделы психологии, качественную неколичественную историю и социологию, микроисторию, педагогику.

Третья важная сфера, собственно гуманитаристика, является вненаучной, в том смысле, что сознательно отказывается от ряда требований науки: от объективности — как литературная критика; от естественности в объяснении, прибегая к признанию высших сил, — как теология; от эксперимента — как философия. Сосуществование под единой крышей «вненауки» столь разных дисциплин подчеркивает лишь одно: сознательное несоответствие каким-то общепринятым стандартам науки. Это отнюдь не уменьшает их достоинств, напротив, делает более свободными и менее связанными ограничениями.

Вторая сфера частично тяготеет к первой и также претендует на научный статус, но он достижим лишь в случае смягчения научных стандартов. Третья сфера противоположна науке и является дополнительной по отношению к ней.

Лингвистический и нарративный поворот в методологии науки совпал с методологическими штудиями по поводу неклассической и постнеклассической науки, в частности, в связи с распространением синергетических идей. Среди них особое значение имели как минимум две. Во-первых, придание всеобщего характера «стреле времени», выражающей необратимость не только социальных, но и природных процессов. Это потребовало пересмотра классических представлений о законах природы, поскольку они исходили из симметричного во времени мира, не различая прошлого и будущего, из-за чего «классические» законы почти невозможно было обнаружить в социокультурных процессах. Во-вторых, придание непредсказуемости и случайности «законного» характера. В далеких от равновесия системах флуктуации нарастают лавинообразно, и невозможно однозначно предсказать траекторию объектов и будущие состояния систем. Даже если удастся определить тенденцию, не факт, что в любой момент она не сменится на противоположную. «История человечества не сводится к основополагающим закономерностям или к простой констатации событий. Каждый историк знает, что изучение исключительной роли отдельных личностей предполагает анализ социальных и исторических механизмов, сделавших эту роль возможной. Знает историк и то, что без существования данных личностей те же механизмы могли бы породить совершенно другую историю» [13, с. 53–54]. То есть какие-то механизмы

могут усилить «незаметные» случайности, приводящие, в конце концов, к возникновению нового, как происходит в естественном отборе, когда механизм закрепления наследственности закрепляет и передает по наследству маленькие случайные изменения, помогающие организму выжить. Так работает необратимость, где есть событие, изменение, эволюция и где нет динамического равновесия и классических законов, не учитывающих необратимости. Возможно, микроистория нащупает «новую» статистическую закономерность, которую ищет синергетика. Но пока специалисты не могут описать эти процессы в математических моделях, приходится зачислять их в качественные теории. Кроме того, историку не всегда интересен механизм «исторической эволюции» или «всеобщая» модель, ведь не меньшее значение имеет индивидуальное событие. Однако научно описать его без учета всеобщей модели или эволюции, по-видимому, невозможно: индивидуальный факт всегда освещен общей теорией, хотя она при описании факта может оставаться «за кадром».

Биологические формы существования человека соединены с социокультурными, что делает и его самого, и общество нелинейными, неустойчивыми, сложными, необратимыми и плохо предсказуемыми системами. В то же время многие поступки настолько просты, понятны и предсказуемы, что странно было бы стрелять из пушек по воробьям. В устойчивых системах необратимостью и флуктуациями, вероятно, можно пренебречь, однако не вполне ясно, в каких случаях достаточно классического подхода, а в каких требуется неклассический.

Постнеклассический этап развития науки потребовал некоторого пересмотра классического идеала научности. В частности, смягчилось жесткое понимание рациональности, а требования к теории, сохранив необходимость исходных принципов, наличия хотя бы вероятностных закономерностей, идеальных моделей, определенных терминов, допускают, помимо традиционных средств вывода, также и рассуждения на естественном языке — с его лингвистическими фигурами, нарративностью и прочими «смягчающими обстоятельствами». Хотя естественные науки, не только на ранних этапах своего развития, но и теперь, всегда проявляют тенденцию к повышению строгости, что остается общенаучной нормой.

Таким образом, серьезного пересмотра идеалов и норм научности, а тем более отказа от них, нет и не предвидится. Было бы серьезной ошиб-

кой считать, что научные каноны у каждой научной сферы должны быть свои. Стремление некоторых горячих голов зафиксировать и узаконить исключительное разнообразие и уникальную специфичность каждой дисциплины или противопоставить отдельные этапы научной эволюции неоправданно и в перспективе может погубить науку. Подобное стремление скорее свидетельство методологической неподготовленности, чем отражение научных реалий. Наличие в научно-исследовательском процессе интуиций, озарений, вдохновения, экспериментального и вообще исследовательского искусства и других иррациональных и внеучных компонентов не отменяет ни рациональности научного знания, ни идеалов и норм его представления. Научное знание едино, и единство во многом обеспечивается общенаучными идеалами и нормами. Соответствие им отличает гуманитарные науки от внеучной гуманитаристики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автономова Н. С. Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров / Н. С. Автономова. – М. : РОССПЭН, 2009. – 503 с.
2. Афанасьев А. И. Гуманитарное знание и гуманитарные науки : монография / А. И. Афанасьев. – Одесса : Бахва, 2013. – 288 с.
3. Бородкин Л. И. Квантитативная история в системе координат модернизма и постмодернизма / Л. И. Бородкин // Новая и новейшая история. – М. : РАН, 1998. – № 5. – С. 3–16.
4. Гаспаров М. Л. Бахтин в русской культуре XX века / М. Л. Гаспаров // Избранные труды : в 3 т. – М. : МГУ, 1997. – Т. II. – С. 494–496.
5. Гинзбург К. Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю / К. Гинзбург // Современные методы преподавания новейшей истории. – М. : ИВИ РАН, 1996. – С. 207–236.
6. Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. – М. : РОССПЭН, 2000. – 272 с.
7. Гладкий А. В. О точных и математических методах в лингвистике и других гуманитарных науках / А. В. Гладкий // Вопросы языкознания. – 2007. – № 5. – С. 22–38.
8. Гришина А. Е. Количественный и качественный анализ: органическое единство или автономия? / А. Е. Гришина // Социологические исследования. – 2004. – № 9. – С. 8–10.
9. Гумбрехт Х.-У. Ледяные объятия «научности», или Почему гуманитарным наукам предпочтительнее быть “Humanities and Arts” [Электронный ресурс] / Х.-У. Гумбрехт // Журнальный зал «НЛО». – 2006. – № 81. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/81/gu1.html>
10. Кларк К. Введение. Роль социалистического реализма в советской культуре [Электронный ресурс] / К. Кларк // Советский роман: история как ритуал. – Режим доступа : <http://www.fedy-diary.ru/?p=2661>
11. Кун Т. Структура научных революций / Т. Кун ; пер. с англ., общая ред. и послесл. С. Р. Микулинского и Л. А. Марковой. – М. : Прогресс, 1977. – 301 с.
12. Лотман Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман // Об искусстве. – СПб. : Искусство, 1998. – С. 14–285.
13. Пригожин И. Время, хаос, квант: К решению парадокса времени / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М. : Прогресс, 1994. – 259 с.
14. Розов М. А. История науки и проблема ее рациональной реконструкции / М. А. Розов // Исторические типы рациональности : в 2 т. – М. : ИФРАН, 1995. – Т. 1. – С. 157–193.
15. Страусс А. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / А. Страусс, Дж. Корбин ; пер. с англ. и послесл. Т. С. Васильевой. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 256 с.
16. Цофнас А. Ю. Гносеология / А. Ю. Цофнас. – К. : Алерта, 2005. – 232 с.
17. Шапир М. И. «Тебе числа и меры нет». О возможностях и границах «точных методов» в гуманитарных науках / М. И. Шапир // Вопросы языкознания. – 2005. – № 1. – С. 43–62.

Поступила 12.10.2015

Рецензент д-р филос. наук, доц. В. Б. Ханжи

*Передплачуйте
і читайте
журнал*

ІНТЕГРАТИВНА АНТРОПОЛОГІЯ

У ВИПУСКАХ ЖУРНАЛУ:

**Передплата приймається
у будь-якому
передплатному пункті**

Передплатний індекс 08210

- ◆ Методологія інтегративних процесів
- ◆ Генетичні аспекти біології та медицини
- ◆ Патологічні стани і сучасні технології
- ◆ Філософські проблеми геронтології та гериатрії
- ◆ Дискусії